

Ольга Аникушина

ЖЕМЧУЖИНЫ

Миха шёл к деду, сшибая палкой лес крапивы. Пыхтел, рубил сплеча, рычал:

– Так тебе! Гадюка рыжая – язык поганый! Глаза тарацит! Ведьмачка! Сгнилых болот жабонЯ пучеглазая! Ишь, строит, как своего.

Босые ноги загрубели за лето, но ядрёная трава жгла огнём, впивалась кактусом. Мальчишка бубнил себе под нос:

– Ну и хорошо! Ну и пусть, – безжалостно растирал пятками до сока ни в чём не повинную зелень. И снова входил в раж, вспоминая мачеху:

– Чтоб ты свой хвост покусала и сдохла, гадюка. Нашла телкА! – Пацан яростно вгрызлся в зелёную волну, – учителька треклятая! Так тебе! Полу-чай, стервь! – За ним сразу плотно смыкалось жгучее море, но он не замечал. Пусть! Разве это боль? Злоба внутри была крепче:

– Своих заведи, дура, и на верёвке их води перед людьми! И этот тоже: под её дуду пляшет. Бабий каблук. Давай-давай!

* * *

Дед жил недалеко – огурцом докинуть. В два шага долететь по просёлочной дороге. Но Мишка решил пройти задами огородов. Пар выпустить, а уж потом идти к дедуне.

Деда Матвей не поощрял ни нытьё, ни жалобы, ни другую слабость. Морской волк в отставке. Покачала его жизнь на волнах. В молодости бороздил африканские воды, бывал в Индии, Индонезии, Японии. Но это только так называлось «побывал»: на берег почти не сходили, не положено.

В последние годы службы Матвея Ивановича забросили на Дальний Восток, в Охотское море. Ну а пришло время, и списали вместе с его «Смелым». Лет пятнадцать назад это было. Что делать? Поехал проведать сына. Зашёл в деревню, да так и остался: бросил якорь на берегу Амура, аккуратно между двух сопок.

Флотским друзьям с тёплых морей Матвей Иванович по телефону хрипел в трубку:

– Нет, ты меня в пехоту не записывай! Был морским волком, стал дальневосточным красным: буанзу, водятся здесь такие.

– ??

– Да, моя «родня». Ни человек, ни жизнь за рыжий хвост не схватит.

Седая шевелюра и правда отливала былым медным огоньком.

Случай был в первую школьную осень Мишки: как-то ввалился он к деду чумазый, в рваной футболке, с расквашенной губой.

Вечером после баньки он сидел рядом с дедом, пил липовый чай и признался довольным голосом:

– Ванька берега попутал. Рыжим обозвал, ну я его по сопатке двинул.

Дед рассмеялся:

– Тебя похвалили, а ты кулак об доброго человека зачем-то шлифанул.

Внучок не ожидал такого поворота, и хлопал на деда широко открытыми глазами:

– Обозвал ведь.

– Не обозвал, правду сказал. А сильные что с правдой делают? Держат как награду: достойно, какая бы тяжёлая ни была. А Ванька с тобой не тяжестью поделился, а радостью. – Дед замолчал, промокнул лоб полотенцем и стал слушать, как банная истома медленно бродит по телу.

– Какой радостью? – Мишка хотел понять, куда дед клонит.

– Мы – рыжие – особая порода. Приметные. Выделила нас жизнь. А почему? Потому что любит, – он провёл рукой по молодой солнечной макушке. – Вот Ванька твой это и увидел, что судьба фору тебе подогнала. Давай «краба». Мальчишка протянул ладонь и внимательно слушал, примеряя новость на себя.

– Смотри. Обшили медью нас, как паруснику днище, – дед загнул мизинец, – это раз. – А что это даёт? Посильнее других будем. Нас голыми руками не возьмёшь, дерево такое не подточить короедом, – загнул безымянный, – два! Зараза никакая не пристанет, – моряк собирал уверенность внука в твёрдый кулак. – Ход супротив других намного лучше, – три. Мощнее мы, понимаешь? Такое судно заранее тактически выигрывает бой, – четыре! Нас издали видно, что мы – огонь! Вот жизнь людей вокруг и предупреждает, с кем они имеют дело, с какой силой, – это пять! Так что не забывай про парусник внутри. И рогом шевели, кумекай: когда ставить стаксель, штормовой парус, а когда лучше убирать его и отдать плавучие якоря. Лови попутный ветер. За рифы Ванькины не цепляйся, своим курсом иди.

– А на другой руке расскажешь про рыжих?

– На другой руке ты мне сам расскажешь лет через двадцать. Понял?

– Понял.

– Ну вот и хорошо.

Любил Мишка эти разговоры с дедом. После них любой шторм штилем становился, а детская душа шла попутным ветром на всех парусах.

Отец и сын жили бобылями долго. Невестка померла в родах одиннадцать годков назад. Мишку нянчили на пару. Соседка Клава, мать многодетного семейства, помогла с мальчонкой, – выкормила вместе со своим девятым. И бежал теперь Миха упитанным розовощёким кабанчиком по деревне, как юнга на корабле: везде свой.

И вот нагрянули перемены. В прошлом году из района прислали новую учительницу. Рыжеволосый командир в юбке сразу пришёлся по сердцу семье Фёдоровых. Людмила Борисовна смело заступила на семейную вахту. Никто особо не сопротивлялся «Лисёнку». Никто, кроме Миши.

Откуда ни возьмись, вместе с ней пришёл контроль. «Вольный ветер поймали в клетку, – так чувствовал мальчишка. – Шаг не ступи без её ведома. И постоянно всё ей не так».

Всё чаще внук сбегал ночевать к деду. Не задалось – не заладилось. Вот и сегодня нашла коса на камень.

Мишка прорвался через заросли крапивы к тропе, что вела к озеру. Замахнулся и запульнул палку далеко, как мог. Скинул всё с себя и вошёл в воду, резко присел и поплыл размашисто. Только в озере почувствовал, как тело горит от крапивы. Полежал на спине, глядя, как затихает вечернее солнце, унося и его злой пожар. Нырнул ещё несколько раз. Всё, теперь можно и к деду на глаза. Остыл.

* * *

Дед ничего не спрашивал. Сидел на кухне у окна, очки торчали поверх седого чуба, сверкали тусклым биноклем. За ухом карандаш примостился. Матвей Иванович поглядывал на шахматы, над ходом кумекал. С другой стороны стола на доске остывала чугунная сковородка с островком аппетитной жареной картошки с салом и яичницей. Для Мишки. Выходит, ждал. Дед глянул мельком:

– Молоко достань. Плесни мне полстакана.

Мишка ел и поглядывал, как дед вяжет шарф вслепую. Нитка тянула клубок, тот подпрыгивал в кастрюле на полу, – чтоб никуда не убежал без спросу.

– Деда, кроме тебя в деревне никто из мужиков не вяжет. Это ж девчачье дело.

– Глупость не морозь, – дед ухмыльнулся, – те же узлы, только не морские, а сухопутные. Я ими дорогу на сушу вязал. Море – оно ведь терпение любит испытывать. А дело? Есть только одно женское дело – рожать. А остальное – человечье дело.

Мишка вспомнил беременное пузо мачехи. Будто арбуз носит. А батя над ней квохчет. Вспомнил, нахмурился и отмахнулся.

Картошку так вкусно только дед жарил. С молоком – песня. Миша доел и понёс сковородку с ложкой к раковине, буркнул, не поворачиваясь:

– Останусь?

– Оставайся.

– А расскажешь?

– Чего рассказывать-то?

– Про море. Как спас Иошито.

– Японца? Да что рассказывать-то? Нёс вахту после шторма. Ты же знаешь всё. Случайно его заметил. А капитан скомандовал: «Шлюпку за борт».

– И всё? Ты по-другому говорил.

Дед отложил вязание, задёрнул занавески и пошёл в сторону баталерки – кладовой. Вернулся с небольшим туеском, величиной с ладонь, и поставил на стол.

– Что это?

– Кисет японский.

Дед Матвей посмотрел на внука из-под кудлатых седых бровей:

– Только, чур, никому.

– Никому, – заговорщическим эхом повторил Мишка.

Дед открыл шкатулку и аккуратно вытряхнул на ладонь три камушка вытянутой формы. Они переливались: два были чёрно-зелёного цвета, и ещё фиолетовый. Мишка завис над ладонью:

– Похожи на зубы большой рыбы. Что это?

– Почти угадал. Жемчуг.

– Нет. Жемчужины круглые, а это палочки, – возразил внук.

– Это самый дорогой жемчуг в мире: зубья «морского ушка». Сокровище.

– Чьё ушко?

– Моллюск такой. Держи.

Мишка взял перламутровые драгоценности и рассматривал их в свете лампы:

– Откуда они, деда?

– Иошито подарил. В благодарность за жизнь. Настоящий морской жемчуг.

Дикий.

– А какой ещё бывает?

– Разный. Его теперь на фермах выращивают.

– Как дядя Паша – коров? – хохотнул мальчишка.

– Нет. Прямо в море. Про это и хотел сказать. Чтобы вышло что-то путное из этой затеи, перво-наперво делают большие металлические клетки. Это самое главное. Иначе не видать никакой драгоценности.

Миха слушал, не сводя глаз с морского чуда. Сколько лет дед хранил их, и ни разу не показывал. А тут... С чего бы это?

– Понимаешь, клетка нужна, чтобы защитить малышей от нападения осьминогов, морских звёзд и других врагов.

– А потом?

– А потом, когда они подрастут за год, им подселяют зёрнышко перламутра, которое очень мешает и не нравится. И возвращают в море. Они ворчат, возмущаются, пытаются выкинуть, прогнать его из своего дома, но ничего не выходит. А вот когда они смиряются, начинается самое чудо.

Мишка внимательно слушал, а дед Матвей продолжал:

– «Морское ушко» начинает оборачивать шершавую песчинку самым ценным, что у него есть. Покрывает её перламутром слой за слоем. У них всё, как у людей: не каждый может принять новое. Да ещё сделать из помехи драгоценность. Треть неизбежно погибает.

– Почему?

– Из-за самолюбия, наверное. Говорю же, всё как у людей. Только сильные сердцем могут из неприятности сделать красоту. Зачем вечно страдать, что песчинку тебе подкинули? Пустое. Наверное, жизнь дана, чтобы каждый свою жемчужину вырастил, любую неприятность принял и в добро переиначил. Понял?

Мишка молча кивнул.

Дед раскрыл кисет:

– Давай положим на место. Придёт время, и ты подаришь невесте перстень с самой дорогой жемчужиной.

Мишка набычился:

– Не будет никакой невесты. Мне и так хорошо.

– Будет. Если, конечно, захочешь узнать, что такое любить не только себя...

Пошли спать. Поздно уже.

* * *

Миха лежал в темноте и смотрел, как танцуют за окном на ветру тени деревьев. Кожа горела крапивным пожаром.

Сон подкрался, и замелькали перед глазами мокрый японец, еле живой, жемчужины, морские глубины, металлические клетки.

В одной из них сидел Миха, в другой – папа со своей любимой лисичкой с огненным хвостом.

Вдруг в клетку к Михе кинули арбуз и затолкали лису. Она превратилась в Людмилу Борисовну и строго посмотрела, достала указку. Он выскочил, за ним погнался осьминог, трогая противными щупальцами. И никто не мог его выручить: ни папа, ни мачеха, как ни старались.

Внезапно появился дед и посмотрел на осьминога, как на цепного пса Полкана. Тот обмяк, уменьшился и стал ластиться к деду по-собачьи. Сделался совсем ручным.

Потом долго плавали всей семьёй от клетки к клетке и набрали полную сковородку жемчуга. И счастливые пошли домой. Папа нёс арбуз, лиса вокруг бегала. Деда шёл рядом. Мишкина рука утопала в его горячей шершавой ладони. И на душе было прозрачно, светло и хорошо.